

В. И. Мусаев

РУССКО-СКАНДИНАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ (вторая половина XIX — начало XX века)

После окончания Наполеоновских войн до середины XIX века отношения между Россией, с одной стороны, и Швецией и Норвегией — с другой, развивались относительно благоприятно. Для российских монархов Шведско-норвежское королевство было важной опорой Венской системы. Своевременное обоим дворам враждебное отношение к революционным и либеральным движениям делало их надежными партнерами по Священному союзу. Обе державы были заинтересованы и в торгово-экономических контактах. 11 (23) июня 1834 года между Россией и Швецией была подписана торговая конвенция. Одна из ее статей гласила, что норвежцы могут ежегодно вывозить из беломорских портов беспошлинно 25 четвертей хлеба на норвежских судах и столько же — на российских. В 1835 году на всех жителей Архангельской губернии было распространено право вывозить в Норвегию хлеб и привозить оттуда рыбу и соль¹. 26 апреля (8 мая) 1838 года был подписан торговый договор между Россией и Шведско-Норвежским королевством, который подтвердил это право. Поморы и коляне не только выменивали, но и сами промышляли рыбу у берегов Норвегии, куда она подходила раньше, чем на Мурман. Ввозить в Норвегию беспошлинно поморы могли муку, хлеб в зерне, рыбачьи снасти, пеньку, железо, парусину, деготь, канаты и лес. Другие товары, такие как мясо, чай, текстильные изделия, облагались пошлиной². Обратное, кроме свежей, соленой и сушеной рыбы, привозили мех и колониальные товары.

С 1830-х годов начали циркулировать безосновательные, но упорные слухи о русских притязаниях на Северную Норвегию. Распространению

этих слухов в немалой степени способствовала британская дипломатия, которая приписывала русским намерение захватить незамерзающие бухты Варангер-фьорда якобы для создания там военно-морской базы. Начало слухам положил доклад британского вице-консула в норвежском городе Хаммерфест Д.Р. Кроу, который был отправлен английскому посланнику в Стокгольме и вызвал там волну страхов перед русской угрозой. Кроу продолжал посылать подобные донесения и после того, как в 1844 году был назначен английским Генеральным консулом в Христиании (Осло). Донесения Кроу произвели сильное впечатление на Форин Офис и привели к дипломатическим демаршам перед Объединенными королевствами³. Схожие мысли развивал шотландец С. Лейнг, который в 1836 году направил в Лондон свой доклад о посещении Северной Скандинавии. В этом докладе он говорил о стремлении российской державы к Атлантике⁴. Беспочвенность слухов об агрессивных намерениях России, впрочем, уже тогда была очевидна для трезвомыслящих наблюдателей⁵. Позднее, в 1867 году, норвежский языковед и этнограф Я.А. Фриис совершил путешествие по Кольскому полуострову и Карелии. По возвращении он обратил внимание норвежских властей на то, что Кольский залив и другие бухты на Мурманском побережье фактически являются незамерзающими круглый год. Если русские власти хотели бы построить военно-морскую базу на севере, то им совершенно необязательно было прилагать усилия для завоевания чужой территории⁶.

С середины XIX века определенное воздействие на состояние российско-шведских и российско-норвежских отношений начали оказывать «великоскандинавские» амбиции шведского руководства, которые впервые проявились в правление короля Оскара I (1844–1859), преемника Карла XIV Юхана (Бернадотта). Новый король использовал ставшие популярными в 1830-е годы среди интеллигенции идеи «скандинавизма» — сближения Скандинавских стран — и рассчитывал возглавить это объединительное движение. В 1848 году Оскар I попытался вмешаться в прусско-датский конфликт в Шлезвиге и Гольштейне, выступив в поддержку датчан и направив шведско-норвежские войска в Ютландию. Российское руководство в шлезвиг-гольштейнском вопросе в 1848 году также поддержало Данию, однако это было вызвано совершенно другими соображениями. Николай I стремился к поддержанию статус-кво в Европе и расценивал антидатские выступления немецкого населения в Шлезвиге и Гольштейне как мятеж против своего легитимного монарха. Кроме того, он был против усиления Пруссии за счет Дании. К идеологии же скандинавизма российские монар-

хи и их окружение относились негативно вследствие ее либерального духа и антирусской направленности⁷.

Между тем наряду со стремлением стать лидером в объединении Скандинавии шведский король стал также задумываться о возвращении Финляндии, к чему его подталкивали близкие ко двору реваншистские круги. Война коалиции европейских государств во главе с Великобританией и Францией против России, известная как Крымская или Восточная (1853–1856), давала Швеции соблазнительный шанс воспользоваться ситуацией, чтобы присоединиться к антирусскому союзу и попытаться вернуть себе Финляндию и Аландские острова. Еще накануне войны Англия, готовившаяся к столкновению с Россией, предприняла попытку привлечь Соединенное королевство к военному союзу. В 1852 году, после того как норвежские власти отклонили заявление финляндских подданных царя об их праве на лов рыбы в Варангер-фьорде, российское правительство запретило норвежским саамам переходить с их стадами оленей русскую границу на Кольском полуострове. Британский премьер Г. Дж. Палмерстон, пользуясь случаем, выдвинул проект договора, который обязывал шведско-норвежского короля не уступать России сушу, воду, права лова и пастьбы без согласия Англии и Франции. Взамен союзники обещали военную помощь в случае необходимости⁸. «Финнмаркский вопрос» в период войны продолжал эксплуатироваться, причем шведские сторонники войны старались убедить британских представителей в том, что русские притязания на Финнмарк представляют угрозу не только для Скандинавии: создание «северного Севастополя» в Варангерской бухте будет опасно и для самой Великобритании⁹. Оскар I все же не решился нарушить шведский нейтралитет, хотя тайно он и предложил англичанам использовать шведские гавани в качестве баз для развертывания своих военно-морских сил на Балтике¹⁰. К тому же шведский король не получил от англичан и французов гарантий военной поддержки и субсидии.

В Норвегии к замыслам шведского короля отнеслись неодобрительно: нарушение нейтралитета и втягивание в войну не отвечало интересам страны. Напротив, торговля нейтралов с воюющими странами, несмотря на определенный риск, приносила немалую прибыль. Норвежское правительство и стортинг высказались против увеличения военного бюджета. Шведско-норвежское королевство официально сохраняло нейтралитет в войне. Однако 21 ноября 1855 года шведский король заключил оборонительный союз с Англией и Францией, получивший известность как «ноябрьский трактат»¹¹. Согласно договору, западные державы гарантировали террито-

риальную целостность Соединенных королевств от покушений со стороны России. Норвежское правительство, поставленное перед фактом, заявило о своем неодобрении подписанного соглашения. В Петербурге известие о ноябрьском трактате, как и следовало ожидать, было воспринято с замешательством, и ведущие деятели правительства говорили о нем как о выражении оскорбительного и безосновательного недоверия к России¹². Российский МИД, впрочем, в своем официальном заявлении удовлетворился шведскими заверениями о том, что этот трактат имеет сугубо оборонительный характер¹³. Итоги Крымской войны были неудачными для России. Одним из условий Парижского мирного договора 1856 года, завершившего войну, была демилитаризация Аландских островов, что отвечало интересам Швеции¹⁴.

Во второй половине XIX века российское руководство стремилось поддерживать нейтралистские тенденции в политике Скандинавских государств, от которых зависел режим балтийских проливов, и удерживать их от чрезмерного сближения с той или иной великой державой, с которой у России имелись или могли возникнуть геополитические противоречия. В правление Оскара II (1872–1907) внешняя политика Шведско-норвежского королевства была неоднозначной. Усиление Пруссии и объединение Германии под ее главенством в 1860–1870-х годах наряду с установлением республиканского строя во Франции побудили правящие круги скандинавской державы постепенно отказаться от своей прежней французской ориентации и искать сближения с новой центральноевропейской империей. В 1875 году во время своего визита в Берлин Оскар II обсуждал с германским руководством идею альянса Объединенного королевства с Германией в целях защиты от русской угрозы¹⁵. В то же время шведско-норвежское руководство старалось улучшить дотоле прохладные взаимоотношения с русским соседом. Оскар II приложил немало усилий для того, чтобы рассеять сложившийся в Швеции негативный образ России и русских, и добивался установления более доверительных и дружеских отношений с Петербургом. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов он демонстрировал свои симпатии по отношению к России¹⁶.

Обострение геополитического соперничества России с Англией сделало актуальной задачу недопущения английского флота на Балтику. В 1885 году царская дипломатия зондировала почву на предмет создания союза нейтральных стран, включая Шведско-норвежское королевство, с целью закрыть доступ иностранным военным кораблям в Балтийское море¹⁷. Эта идея не получила поддержки, однако во время кризиса, развившегося в указанном году, когда реальной стала угроза российско-бри-

танского военного конфликта, шведско-норвежский монарх твердо стоял на позиции нейтралитета¹⁸. В Норвегии традиционно не поддерживали какие-либо тенденции в политике Стокгольма, способные привести к осложнению отношений с Россией. Однако в 1890-х годах в норвежской печати появились сообщения, взволновавшие общественное мнение страны, о том, что российское правительство в целях заявить притязания на бухты Южного Варангера намерено обнародовать жалованные грамоты 1557 года царя Ивана Грозного Печенгскому монастырю на эти земли. Эти опасения были развеяны после того, как в 1896 году при очередной проверке границы был водружен пограничный столб на прежнем месте в устье реки Вормеы¹⁹.

Слухи о русской опасности продолжали муссироваться в Скандинавии и в дальнейшем. Поддержанию страха перед ней способствовали начавшиеся в конце XIX века попытки имперских властей ограничить финляндскую автономию, которые в некоторых кругах северных стран истолковывались как начало русского наступления на Скандинавию²⁰. Кроме того, противники разрыва шведско-норвежской унии использовали «русскую угрозу» как средство запугивания сторонников независимости Норвегии. Они утверждали, что разрыв унии чреват для Норвегии пограничным конфликтом с Россией, и Норвегия в одиночку не сможет противостоять русскому давлению²¹. К началу XX века относятся выступления шведского ученого и общественного деятеля Свена Хедина, известного своей неприязнью к России. В 1905 году С. Хедин опубликовал серию статей в английской газете «Таймс». Их основной тезис заключался в том, что Россия, потерпев неудачу в результате поражения в войне с Японией, в своем стремлении утвердиться как военная держава на Тихом океане, переключит свое внимание на Север и будет искать выход к Атлантике через скандинавское побережье. Исходя из этого, Хедин предостерегал норвежцев против увлечения «сепаратистскими фантазиями». В Норвегии высказывания Хедина были встречены в целом негативно, но в правых кругах они имели некоторый резонанс. В частности, консервативная газета «Афтонпостен» постоянно писала о возможности русской агрессии против Северной Норвегии. В связи с выступлениями Хедина норвежское правительство по собственной инициативе заявило, что, насколько ему известно, Россия не имеет завоевательных планов в отношении Норвегии²².

Следует заметить в этой связи, что известное недовольство российско-норвежской границей действительно имело место в России еще со времен заключения пограничного трактата 1826 года. О неудовлетворительности границы высказывались как в Министерстве иностранных дел, так

и в Военном министерстве. Военный министр генерал А.Н. Куропаткин в 1900 году составил доклад, в котором, помимо прочего, содержалась стратегическая оценка границ Российской империи. Комментируя границы со Скандинавией, Куропаткин отмечал, что граница со Швецией–Норвегией в общем и целом удовлетворительна, кроме участка на Крайнем Севере, где граница оказалась несколько искусственной, так как она предоставила все побережье Норвегии и отрезала Финляндию от моря: «Положение на этом участке нашей границы не может впредь считаться нормальным». Военный министр делал, впрочем, оговорку, что это обстоятельство не может служить основанием для предъявления территориальных претензий к Норвегии: «Хотя с нашей стороны и естественно желание исправить здесь нашу границу, но выгоды от сего исправления слишком незначительны, чтобы могли стать поводом к борьбе»²³. В российском МИДе, особенно по мере того, как грядущий разрыв между Норвегией и Швецией просматривался все более явственно, все чаще высказывалось мнение о необходимости «округления» границы с Норвегией, но до предъявления конкретных требований норвежской стороне дело не доходило.

На российско-норвежские отношения во второй половине XIX — начале XX века отпечаток накладывало усиление хозяйственно-промысловой экспансии норвежцев на Севере, связанное с быстрым экономическим и культурным подъемом Норвегии. В российском МИДе в конце 1860-х годов отмечалось усиление внимания к Русскому Северу со стороны не только Швеции и Норвегии, но и других европейских держав. В северные моря и район Новой Земли направлялись экспедиции, которые изучали побережье и проливы, занимались картографическими исследованиями²⁴. Российский консул в Финмарке Д. Островский писал о том, что норвежские промысловики, выходя в первой половине апреля, с началом ледохода, из незамерзающих гаваней в Тромсё и Хаммерфесте, двигались к Новой Земле и забирали себе весь весенний улов тюленей и белух. Из Хаммерфеста к Новой Земле ежегодно направлялось до восьми судов. Русские же суда, поставленные на зимовку на западном берегу Белого моря, тогда не могли еще выйти из гаваней²⁵.

В известной степени норвежской и вообще иностранной экспансии способствовали сами российские власти. Кольский полуостров, в том числе его прибрежная зона, оставался одним из самых малозаселенных районов Европейской России. Заинтересованные в хозяйственном освоении Севера, власти стали поощрять переселение на Мурманский берег как русских рыбаков, так и переселенцев из Финляндии и Скандинавии. Первые нор-

вежские семейства поселились на Западном Мурмане в конце 1850-х годов. По ходатайству архангельского губернатора 31 августа 1860 года российское правительство дало официальное разрешение финнам и норвежцам селиться на Мурмане при условии принятия главами семейств российского подданства²⁶. В 1864 году на мурманском берегу было основано финское поселение Ура, в том же году выходцы из Норвегии поселились в Вайтокупе (Вайтолахти), Земляной и на побережье Печенгской губы. К 1867 году на побережье проживали 114 финнов и 61 норвежец²⁷. В 1868 году по инициативе архангельского губернатора князя С.П. Гагарина были исходатайствованы льготы для желающих переселиться на мурманский берег как русских, так и иностранных промышленников: им предоставлялись ссуды размером от 50 до 150 руб. сроком на шесть лет, они на восемь лет освобождались от платежа податей, получали разрешение на беспошлинный провоз иностранных товаров для собственного потребления или продажи в колониях и право заниматься промыслами пушных зверей и птиц и ловить рыбу в реках и озерах вблизи колоний. В торговле с Норвегией поселенцы получали те же права, которыми пользовались поморы. Кроме того, финны и норвежцы получили право обращаться к местным властям на своем родном языке и приобретать хлеб на наличные деньги или по кредитам в государственных магазинах²⁸. В 1876 году эти льготы были утверждены и дополнены величайшим положением; был, в частности, внесен пункт о пособии в 100–200 руб. на покупку леса для постройки жилья или судна²⁹. С этого времени берега Ледовитого океана стали заселяться более активно, при этом, как отмечала архангельская газета «Голос», «лучшие удобные для поселения места захватили норвежцы и финляндцы, так что русским пришлось селиться на местах, представляющих меньше выгод»³⁰. Если в 1872 году на Мурмане проживали лишь 582 поселенца, то в следующем году их число превысило 800 человек, населявших 21 колонию. К марту 1882 года здесь жили 326 русских и карелов, 305 финнов и 245 норвежцев. Последние селились в основном на восточном берегу полуострова Рыбачий. Самым крупным норвежским поселком был Цыпनावолок, в котором в 1875 году проживал 31 человек³¹.

Иностранные поселенцы, безусловно, способствовали хозяйственному освоению мурманского побережья. Жизнь финских и норвежских колоний протекала, однако, в условиях относительной обособленности: языковой барьер и конфессиональные различия препятствовали слиянию с русским населением, на которое первоначально рассчитывали местные власти. Недовольство властей вызывали также хищнические порубки леса, кото-

рые практиковали иностранные поселенцы. Более того, у финских и норвежских колонистов подчас возникали трения и противоречия с русскими поселенцами и местными лопарями. К тому же колонисты, пользуясь льготами, разрешавшими беспошлинный ввоз спиртных напитков и свободную торговлю ими в колониях и становищах, в погоне за наживой нередко спаивали лопарей спиртным³². Хотя в начале XX века русские поселенцы были наиболее крупной группой населения мурманского берега, составляя 44 % всех жителей, на Западном Мурмане по-прежнему преобладали иностранцы: финских семей здесь насчитывалось 110, норвежских — 63, русских же — только 79. Как отмечалось в докладной записке исполняющего должность архангельского губернатора И.В. Сосновского в Министерство иностранных дел в ноябре 1908 года, «колонисты из норвежцев и финляндцев захватили на западном Мурмане лучшие места, избилующие отличными и глубоко врезающимися в материк бухтами и прекрасными береговыми сенокосными полянами»³³. В записке обращалось внимание на необходимость усилить среди колонистов долю «коренного русского элемента», в частности, заселить русскими жителями пограничную с Норвегией полосу по течению р. Паз, а также урегулировать и разграничить права переселенцев и лопарей на земельные и рыбные угодья³⁴.

В последней четверти XIX века российский продовольственный экспорт в Норвегию был наиболее активным, что было связано с ростом сети российских железных дорог, обеспечивавших доставку хлеба к балтийским портам. Только в Христианию ежегодно привозилось до 250 тыс. бочек ржи и по 40 тыс. бочек других наименований товаров³⁵. В то же время в конце столетия все сильнее давали о себе знать российско-норвежские хозяйственные противоречия в северных морях. Норвежская администрация всячески старалась ограничивать ловлю рыбы, которой русские поморы традиционно занимались у берегов Финнмарка. В то же время норвежские зверобои стали все чаще вторгаться в российские территориальные воды. С 1893 года в весенние и летние месяцы специальное военное судно патрулировало в Баренцевом море, крейсируя вдоль побережья от норвежской границы до льдов Карского моря³⁶. Охрана западной части мурманского берега была возложена на местный административный пароход.

Отсутствие на Мурмане незамерзающего порта затрудняло контроль над российскими территориальными водами. К концу XIX века в правящих кругах империи осознали наконец необходимость иметь на Севере военноморскую базу, с беспрепятственным выходом в океан, незамерзающую и связанную с центром железной дорогой. Одним из сторонников ее осно-

вания был министр финансов С.Ю. Витте. По заданию императора он в 1894 году обследовал мурманское побережье и рекомендовал использовать удобную Екатерининскую гавань Кольского залива. Замыслы Витте противоречили мнению начальника Генерального штаба генерала Н.Н. Обручева и поддерживавших его Военного и Морского министерств, которые выступали за строительство главной базы русского флота в Либаве на Балтике³⁷. Витте (несмотря на сохранявшийся в то время напряженный характер российско-британских отношений) исходил из того, что в грядущей войне союзником России будет именно Великобритания, противником же — Германия. В этом случае Либава оказывалась бы бесполезной, а база на Мурмане была бы необходима для поддержания связей с англичанами. Однако недостаток средств и сильная оппозиция в Морском министерстве, которое сумело убедить нового императора Николая II отдать предпочтение Либаве, помешали тогда осуществлению плана создания сильной военно-морской базы на мурманском берегу³⁸. Хотя в 1899 году на Мурмане был основан порт Александровск (ныне — г. Полярный), строительство железной дороги к мурманскому берегу тогда начато не было, а без железнодорожного сообщения с центром нормальное функционирование базы флота было бы невозможным.

Известные проблемы и сложности в российско-норвежских взаимоотношениях возникали и после 1905 года, когда Норвегия, не без поддержки со стороны России, добилась расторжения унии со Швецией и достигла полной независимости. В частности, тревогу властей и общественных деятелей Архангельской губернии вызывала тенденция к сокращению местных рыбных промыслов на Мурмане. В период с 1894 по 1904 год ежегодный улов рыбы здесь сократился с 713 896 до 184 625 пудов. В то же время увеличился импорт рыбы из Норвегии: в 1893 году он составил 336 022 пуда, в 1900 — 885 372, а в 1904 — уже 1 630 739. Автор архангельской газеты «Северный листок» выражал опасения, что со временем промысловый лов рыбы на Мурмане полностью прекратится и потребность в треске будет полностью удовлетворяться за счет импорта из Норвегии³⁹. Некоторые ставили под сомнение правомерность беспошлинного режима ввоза рыбы из Норвегии. Другой автор упомянутой газеты, однако, возражал против введения ввозных пошлин: он напоминал, что «беспошлинный привоз в беломорские порты норвежской рыбы компенсируется целым рядом выгод, предоставленных русским поморам в Норвегии», и предостерегал, что изменение трактатов могло «вызвать со стороны Норвегии известные репрессивные меры по отношению к нашим поморам»⁴⁰.

Торговый договор 1838 года устарел, на его основании трудно было решить накопившиеся противоречия. Еще в последние годы XIX века предпринимались попытки начать переговоры со шведско-норвежской стороной о заключении нового торгового договора. При этом норвежцы требовали значительного понижения пошлин на норвежские рыбные продукты, беспошлинного или льготного пропуска их через беломорские порты, предоставления норвежским зверопромышленникам и рыбакам права промысла в российских территориальных водах. Шведско-норвежский министр иностранных дел Дуглас в апреле 1899 года заявил российскому посланнику о невозможности заключения договора вследствие противоречий между шведским и норвежским правительствами по вопросу о форме акта — в виде двух договоров или одного⁴¹. С 1906 года велись переговоры о заключении нового торгового соглашения уже с независимой Норвегией, однако они не дали результатов⁴². В конечном счете норвежцы были лишены таможенных преимуществ при ввозе сельди в Россию. Ввиду этого, а также того, что благодаря активизации торговли с Европой северные области Норвегии уже гораздо меньше зависели от ввоза русского хлеба, норвежское правительство в 1911 году аннулировало разрешение поморам вести рыбный промысел у берегов Финнмарка⁴³.

Несколько раньше, в 1909–1910 годах, имел место конфликт, когда норвежские промышленники попытались поставить под сомнение принадлежность России северной части Новой Земли, где они с большой выгодой промышляли белых медведей и тюленей. Обстановка накалилась, когда Союз шкиперов города Тромсё публично пытался оспорить российский суверенитет над этой территорией. В ответ 15 ноября 1909 года русский посланник в Христиании передал норвежской стороне ноту протеста российского МИДа. Когда эта нота не возымела действия, российское правительство 20 марта 1910 года передало новую ноту, выдержанную в более резких тонах, в которой заявило о готовности послать военный корабль к Новой Земле, чтобы силой выдворить оттуда обосновавшихся там на зимовку участников норвежской промысловой экспедиции. Конфликт был исчерпан, когда норвежское руководство подтвердило российский суверенитет над всей Новой Землей, а губернские власти Финнмарка в ноябре 1910 года предостерегли хозяев промысловых судов от плавания и промысла в районе Новой Земли. Российское руководство, в свою очередь, проявило сдержанность, отказавшись от отправки военного корабля к Новой Земле⁴⁴.

С 1909 года по инициативе Норвегии возобновились международные переговоры о статусе архипелага Шпицберген (Свальбард), где имелись месторождения каменного угля, интересовавшие предпринимателей ряда стран. К тому же Шпицберген имел важное стратегическое положение. Норвежская сторона добивалась передачи архипелага под свое управление. Еще в конце 1906 года внутри российского МИДа был разработан проект, согласно которому предполагалось признать полный суверенитет Норвегии над Шпицбергеном в обмен на корректировку российско-норвежской границы на Севере в пользу России (ее перенос на некоторое расстояние к западу от р. Паз) и принятие Норвегией обязательства соблюдать строгий нейтралитет в случае военного конфликта. Этот проект, однако, так и остался на бумаге и предметом обсуждения между двумя государствами не стал⁴⁵. Теперь вопрос об архипелаге вновь был поставлен на повестку дня. Российские представители отстаивали принципы непринадлежности Шпицбергена какому-либо государству, равному для всех права на разработку природных богатств архипелага, его демилитаризации, они также настаивали на обязательном участии российского члена в любой международной администрации, сформированной для управления островами⁴⁶. Мировая война отложила принятие окончательного решения о правовом статусе Шпицбергена⁴⁷.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода на Севере Европы Россия и королевство Швеции и Норвегии (а после 1905 года Швеция и Норвегия по отдельности), несмотря на ряд противоречий и мелких конфликтов, в целом проявляли заинтересованность в сохранении добрососедских отношений. Россия, имевшая целый комплекс крупных геополитических проблем, стремилась избежать образования нового очага противостояния в этом регионе, стараясь при этом по возможности отстаивать свои интересы. В то же время известные экономические и военно-политические проблемы на северных рубежах империи в начале XX века сохранялись, что дополнительно осложняло и без того непростое внешнеполитическое положение Российского государства накануне мировой войны.

* * *

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. П–3. Оп. 77. 1835 г. Д. 8. Л. 1–3.

² Там же. Ф. 155. I–5. Оп. 445. Д. 13. Л. 35 об.

³ *Нильсен Й.П.* Старая Россия и новая Норвегия (1905–1917): Соседство без страха? // *Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке.* Архангельск, 1997.

⁴ Eriksson S. Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. Stockholm, 1939. S. 8.

⁵ Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 168.

⁶ Nielsen J.P. Ønsket tsaren seg en isfri havn i nord? // Historisk tidsskrift. 1991. № 4. S. 84.

⁷ Jungar S. Ryssland och den svensk-norska unionens upplösning. Tsardilomati och rysk-finländsk pressopinion kring unionsupplösningen från 1880 till 1905. Åbo, 1969. S. 31–32.

⁸ Кан А.С. Указ. соч. С. 170.

⁹ Eriksson S. Op. cit. S. 277.

¹⁰ Английская эскадра под командованием адмирала Ч. Нэпира, направляясь на Балтику, в конце апреля 1854 года посетила стокгольмский рейд. Сам Нэпир при аудиенции у короля заявил, что его эскадра прибыла, чтобы воспрепятствовать русскому флоту выйти в Северное море [Ibid. S. 183].

¹¹ Eriksson S. Op. cit. S. 289; Jensen M. Norges Historie. Unionstiden 1814–1905. Oslo; Bergen, 1963. S. 97.

¹² Кан А.С. Указ. соч. С. 172; Нильсен Й.П. Указ. соч. С. 8.

¹³ Eriksson S. Op. cit. S. 355.

¹⁴ Derry T.K. A Short History of Norway 1814–1972. L., 1957. P. 153; Русме У. История внешней политики Норвегии. М., 2003. С. 79.

¹⁵ Lindberg F. Kunglig utrikespolitik. Studier i svensk utrikespolitik under Oscar II och fram till borggårdskrisen. Stockholm, 1966. S. 10.

¹⁶ Ibid. S. 22.

¹⁷ Соседи на Крайнем Севере. Россия и Норвегия. От первых контактов до Баренцева сотрудничества. Мурманск, 2001. С. 205.

¹⁸ Lindberg F. Op. cit. S. 38–61.

¹⁹ Признание Россией Норвежского независимого государства (сборник документов). М., 1958. С. 72.

²⁰ Jensen M. Op. cit. S. 195.

²¹ Нильсен Й.П. Указ. соч. С. 11, 14.

²² Там же. С. 16–17.

²³ Цит. по: Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. Итоги войны. СПб., 2003. С. 19.

²⁴ АВПРИ. Ф. 155. 1–5. Оп. 445. Д. 3. Л. 4–5.

²⁵ Там же. Д. 13. Л. 21.

²⁶ Архангельские губернские ведомости. 1864. 24 февр.

²⁷ Lähteenmäki M. The Peoples of Lapland. Boundary Demarcations and Interactions in the North Calotte from 1808 to 1889. Vaajakoski, 2006. P. 285.

²⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 1. Д. 2. Л. 70; АВПРИ. Ф. 155. 1–5. Оп. 445. Д. 3. Л. 18 об.–19.

²⁹ АВПРИ. ф. 155. 1–5. Оп. 445. Д. 13. Л. 251–252.

³⁰ Голос (Архангельск). 1882. 3 марта.

³¹ Там же; *Lähteenmäki M.* Op. cit. S. 289.

³² *Киселев А.А., Киселева Т.А.* Национальные меньшинства Кольского полуострова и государственная политика России по отношению к ним // *Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке.* С. 252.

³³ АВПРИ. Ф. 155. 1–5. Оп. 445. Д. 29. Л. 16 об.

³⁴ Там же. Л. 18 об.–19 об.

³⁵ Там же. Д. 13. Л. 121.

³⁶ Признание Россией Норвежского независимого государства. С. 72–73.

³⁷ *Jungar S.* Op. cit. S. 48.

³⁸ *Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте и переговоры о торговом договоре со Швецией и Норвегией в 1895–1900 гг. // *Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв.* Л., 1970. С. 144–145.

³⁹ Северный листок. 1906. 10 июня.

⁴⁰ Там же. 8 февр.

⁴¹ *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 149.

⁴² В то же время соответствующие переговоры со Швецией увенчались успехом.

⁴³ Соседи на Крайнем Севере... С. 213.

⁴⁴ Там же. С. 211–212.

⁴⁵ *Ермолаев Д.* Приграничные отношения в районе Западного Мурмана (конец XIX — начало XX в.) // *Русский Север и Север Европы в XVIII–XX вв. Проблемы изучения истории регионов и межрегиональных отношений.* Архангельск, 2005. С. 122.

⁴⁶ Соседи на Крайнем Севере... С. 212.

⁴⁷ Уже после окончания войны, в 1920 году, специальным международным договором (подписанным без участия России) был установлен норвежский суверенитет над архипелагом Шпицберген.